

КНИГА «ЭТИ ПИСЬМА» К. Я. ВАНШЕНКИНА: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА, ПОЭТИКА

В статье рассматривается книга лирики «Эти письма» К. Я. Ваншенкина. Предлагается интерпретация тематики, проблематики, идеи, авторского идеала, художественного времени и пространства, образной системы; определяется роль существенных изобразительно-выразительных средств в раскрытии идейного содержания представленных в книге стихотворений; выявляются автобиографические факторы, явившиеся предпосылкой для создания поэтической книги; изучается эмблематичность в художественном оформлении книги лирики «Эти письма». Литературоведческий анализ книги осуществляется впервые.

Ключевые слова: творчество К. Я. Ваншенкина, война, перестройка, лирическая исповедь, эмблематичность.

Мы предлагаем к обсуждению книгу «о ранней молодости, о войне, о дорогих друзьях и подругах» [5, с.288] – «Эти письма» – с целью «потревожить дух русского поэта»: раскрыть характер мастерства и убеждений автора книги – поэта Константина Ваншенкина. Задачи, которые мы ставим перед собой, традиционны для литературоведческого исследования. Они заключаются в определении концептуальной парадигмы «Этих писем» и формировании представления о поэтике К. Ваншенкина.

В известных нам научных трудах книга «Эти письма» не исследуется, ее литературоведческий анализ осуществляется впервые.

Константин Ваншенкин», по тенденциозной версии Д. Самойлова, – «патриарх средних поэтов [14, с.483]. «Неизвестный художник давнишнего века» [6, с.269] – первая строка одного из лирических стихотворений поэта К. Ваншенкина. Автор осознавал судьбу своего литературного имени и отождествлял себя с неизвестным художником. Впрочем, забвение «мечталось где-нибудь через триста-четырееста лет» [6, с. 269], со дня смерти К. Ваншенкина прошло всего десять.

И все же забвение его не пугает, ведь о произведениях говорится: «живет и поет о бессмертье картина, / Потому что написана кистью живой» [6, с. 269]. Долго оставались неясными строки: «Пусть живут мастеров Неизвестных полотна, / Как светильники в честь Неизвестных солдат» [6, с. 269]. Кажется, ни к чему это сравнение, когда речь совсем о другом, о возвышенном – творчестве, литературной памяти. Необычность художественного приема К. Ваншенкин парадоксально сочетает с пафосом, патетикой. Но для автора последняя, акцентная, строка «Как светильники в честь Неизвестных солдат» [6, с. 269], может быть, даже важнее предыдущего текста.

Будучи программным произведением, «Эти письма» открывают первую, одноименную книгу сборника «Примета». «Эти письма, что ... Перед самой войной и в войну, / Вы, страдая, писали друг другу» [5, с. 4]: «со страданием», очевидно, влюбленные переписывались не только в войну, что оправдано темой, но и «перед войной» не потому ли, что имели проблемы личного характера, переживали кризис взаимоотношений? (Не считаем верным, даже опираясь на словоформу «самой», утверждать о переживаниях, связанных с приближением войны. Она наступила внезапно.) Прошло время – и один из них, вопрошая: «Помнишь наши прощанья?» [5, с. 4], получает ответ «Мы с тобою и пишем о том» [5, с. 4]. «Свидетельства», воспоминания о прошлом уже не воспроизводимы в живой, человеческой памяти, о фактах заново получено представление единственно из читаемых писем. «Письма пронзали до дрожи / И по жгучей причине такой / Даже почерки стали похожи / Будто писано той же рукой» [5, с. 4] – привлекает внимание, что преодоление чувственных неурядиц между адресатом и адресантом вызвал общий ужас перед войной, выраженный в личных письмах. Подобным сплетением чувства и войны постулируется идея «факт войны есть неотъемная и органичная часть жизни», прослеживаемая во всем творчестве настоящей книги. «Средь иного, что есть на примете...» [5, с. 4], а «Примета» – название книги, в которую входит стихотворение «Эти письма», – «...Средь бумаг, накопившихся тут, / Сохраните свидетельства эти» [5, с. 4]. Свидетельства – контекстуальный синоним «этих писем», а точнее стихотворений К. Ваншенкина с тематикой памяти о войне в послевоенное время, объединенных в первую книгу. Они более им ценимы, нежели произведения не-военной темы. Письма «нынче сложены в папку одну» [5, с. 4], семейный или музейный архив, потому, думается, что уже нет в живых одного, а может, и двух адресатов; и потому же, что человеческая память угасла, «свидетельства эти» подлежат сохранению «потомками».

Начало второго стихотворения в книге «Улицу неспешно перейду...», знаменательно особым приемом избыточности: «Улицу неспешно перейду / Возле светофора» [5, с. 5].

Поэт Геннадий Григорьев (1950–2007) в 20 лет, то есть практически за два десятилетия до К. Ваншенкина, написал знаменитый (и уникальный) «Этюд с предлогами»: «Мы построим скоро сказочный дом / С расписными потолками внутри» [7]. (Интересно, что у Г. Григорьева есть стихотворение «Фронтное письмо» (1985) со строками: «Лишь «Здравствуй, **жизнь** моя!» – оставлено в начале. / И «**Я люблю тебя!**» – оставлено в конце» [7] (ср. «Я люблю тебя, Жизнь»). Уточним, что это, безусловно, ирония Г. Григорьева.) Как же – разве потолки могут «бытовать» вне дома, почему «с расписными потолками **внутри**»? Излишняя точность – это подвержение сомнению «сказочного дома», коммунизма, пропагандируемого к постройке. У К.

Ваншенкина избыточность заключается в переходе улицы «возле светофора».

Ваншенкинское уточнение «возле светофора» может показаться само собой разумеющимся и не требующимся в поэтическом тексте. Однако дорогу должны переходить по регулируемому пешеходному переходу на зеленый сигнал светофора, а в разговорной речи эта обстоятельная синтаксическая конструкция компрессируется так: «**по** светофору». Но герой переходит еще и «неспешно» – он стар, ему тяжело дойти до светофора, однако низкая скорость движения понимается им не как досадная медлительность, а как новая жизненная философия. Понятно, еще более стар «наш полковник», делающий доклад перед учащимися профессионально-технического учебного заведения. Насколько велика может быть разница в возрасте между солдатом или «младшим командиром» и его (ср. «наш») полковником – старшим офицером? И сам уже немолодой, герой, а также его однополчане или сослуживцы (их несколько, так как «размышляем» в форме множественного числа), осознает: «И за этим нужен был догляд» [5, с.5]. Уже «готовый ответ» возрастным гостям, то есть заготовленная благодарственная реплика без проявления малейшего интереса к происходящему, имеется у учащихся (так всегда бывает на разнорядочных мероприятиях с приглашенными лицами).

Дальнейшие размышления героя перед выходом на сцену представляют аргументацию значимости произносимого о войне не только для молодежи, но и – поскольку может акцентировать лишь на чувственной стороне («зову... поверить ... в нашу юность в этот миг» [5, с. 6]) – еще и для себя, это интимное обоснование **необходимости выговориться**. Так, миг назван «этим», но каким именно: миг в войну, когда «мог сгореть не раз» или сиюминутный миг выступления, рассказа о былом (то-то доклад полковника был «длинноват»)? Заключительный аккорд (фраза восклицательная с соответствующим знаком конца предложения): «Несмотря на то, что с нами случилось!» [5, с. 6] – становится совершенно ясным в свете изложенных фактов о возрасте докладчиков, их видимой удаленности от современного (на любой момент современного) поколения.

В прозаическом варианте стихотворение, думается, отчасти звучит так: «Бывает, рассказывают ветераны школьникам про боевой путь своего корпуса – и ни одного живого слова, примера. Не надо говорить, что мы были замечательные, лучше всех. У каждого поколения свои задачи, свой путь. Лучше по-человечески объяснить: нам было по 17 лет, как вам сейчас, многие ушли на фронт и погибли. Говорить и писать надо бы с уважением к их возрасту, уровню понимания. Молодые не виноваты, что, слава Богу, нет войны и они не могут проявлять себя в бою» (К. Ваншенкин) [16].

Симптоматично название «Баллада о друге» – необъемного (одноименное произведение Э. Асадова о летчике в разы больше)

лирического стихотворения героической проблематики. Баллада – произведение лиро-эпического жанра, предполагающее событийность, масштабность содержания. «Автомат, граната. / И – **ничего**» [5, с. 10]. Одно парцелированное предложение (чуть ранее говорилось, напротив, об избыточности), а по сути отсутствие информации за ее очевидностью, и предполагает трагичность, всеобщность – очевидность последствий войны для человека военного и послевоенного. Имплицитный паралепсис войны – магистральный прием К. Ваншенкина, реализованный через словесный комплекс «**давно**, в войну» [5, с.9], семантически перебиваемый **будущим** временем в значении прошедшего «лягу». Также «грозным временем, **ныне было**» [5, с.4], называется война в «Этих письмах» при основной идее: «сохраните свидетельства [о войне – Д. С.]» [5, с. 4], подчеркнутой актуализации последней.

Впервые в сборнике прямой намек на то, что видимое отстранение от войны на самом деле паралепсис, можем найти в стихотворении «Молодой пиит идею...». Война «зацепилась за нас» [5, с. 7], – объясняет лирический герой некоему не просто «молодому», но легко ассоциирующемуся с анакреонтикой «пииту», который высказал не «мысль», а чужеродную «идею одну» – не писать о войне «про запас». В то же время «Давней жизни продолжение, / Повторение пути» [5, с. 13] («Через сорок лет») – победа в войне как отражение жизни, проекция военного прошлого на сферу мирного, гражданского, поствоенного – лейтмотив ваншенкинского творчества.

«Демобилизовавшийся в самом конце сорок шестого в звании гвардии сержанта» [4, с. 6], К. Ваншенкин болезненно воспринимает несправедливое присвоение заслуг, в особенности – обхождение рядового состава армии. В стихотворении «Старшие командиры...», перечисляя классы офицеров – старшие, средние, младшие командиры, он обращается лишь к последним, что выражается аномальной пунктуацией. Хотя, думается, строка «Младшие командиры!..» [5, с. 8] – это обращение даже не к лейтенантам и капитанам, ибо «их могилы сиры, как подчиненных их», а к совести средних, старших чинов, то есть здесь типичная аверсия. Одновременно в стихотворении «Когда сгорит за бруствером заря» порицаются уже писари, «солдата оставляющие без медали» [5, с. 15] в угоду поварам, сапожникам.

В стихотворении-воспоминании «Когда мы вернулись с войны...» говорится: «Никто и не требовал льгот, / Кто вышел из той передраги» [5, с. 12], и в то же время в «Салюте» уточняется: «Не проявили свой напор... / Хотя и был при нас набор / Всех орденов и всех ранений» [5, с. 61] – в **конкретной, жизненной ситуации** солдатам-ветеранам не было воздано по заслугам, они «не высказали мнений», хотя и не смирились с произошедшим. Потому салют, к которому ради победителей в войне готовилась **парадновся** Москва, звучит двучленно, отстраненно, невовремя, ср. единоначалие, синтаксический параллелизм, усилительную частицу,

создающие насмешливую интонацию: «Тут и ударили стволы, / Тут и посыпались ракеты» [5, с. 61].

Таковая парадоксальность произведений в творчестве одного автора находит разрешение в различии художественного времени. Если первая строка «Когда мы вернулись с войны» [5, с. 12] дает наглядное представление о временном и ментальном пласте общества, а также о юном возрасте ветеранов (к примеру, Константину Яковлевичу исполнился 21 год), то в «Салюте» последних касается сравнение «А мы не хуже **старых бар**, / В гостиничный попали бар» [5, с. 61]. Однако ни в коей мере не несущее в художественном тексте негативной коннотации, сопоставление, на наш взгляд, едва ли применимо к ветеранам молодым. Уточним, что общегосударственный салют был ни к чему, когда новое по менталитету общество не ответило хотя бы чувством почтения к бывшим солдатам. Близость, отношение «по-человечески» к ветеранам в житейских мелочах входят в авторский идеал. «Были усилия их непрестанны. Их привилегии стали видны» [5, с. 55] – строка из стихотворения «Нас до сих пор именуют запасом...», заключающая названный идеал в более общем виде. Открытая синтаксическая позиция после «видны» требует ответа «кому?». Очевидно, им – всем, множеству, обществу. Следовательно, с течением времени память общества ослабевает, против чего методично борется поэт-фронтовик; прослеживается и антитеза «иностранной валюты» [5, с. 61] (материальное) и «всех орденов и всех ранений» [5, с. 61] (чувственно-ценностное). Подтверждает настоящее мнение коллега К. Ваншенкина по перу Г. Красников: «уже в так называемые перестроечные времена, более чем через полвека после Победы, [К. Ваншенкин – Д. С.] чрезвычайно болезненно переживал беспамятность, жестокосердность и неблагодарность новоиспеченной эпохи по отношению к ветеранам войны» [10, с. 5]. Таким образом, первопричиной выражаемого протеста стало не эгоистическое желание почивать на лаврах, а веяния времени и состояние умов. Итак, согласимся с А. Урбаном: «это вовсе не надо понимать в том смысле, что Ваншенкин хоть в самой малой степени становится эгоцентриком» [17, с.129].

Загадочным произведением книги «Эти письма» представляются «Стихи о Николае Ивановиче». Внешне простые, будто бы зарисовка из жизни, доминантой их анализа становится вопрос о реальности/ирреальности заглавного героя, часто звонившего «автору», хотя, пишет К. Ваншенкин, «я его ни разу / В жизни не видал. / Только этот голос / Надо мной витал. / Возникал внезапно / В снегопад и в дождь / Знали этот голос / И жена, и дочь» [5, с. 17].

Можно представить лишь некоторые суждения по этому поводу.

- К. Ваншенкин ранее посвятил стихи Николаю Ивановичу – Рыленкову. «Он, как это у нас иногда водится, попросил посвятить это

стихотворение ему. Я даже не посвятил, я просто назвал его – «Н. Рыленкову». Оно печаталось несколько раз еще при его жизни» [4, с. 194] («Поиски себя»). Был в жизни Константина Яковлевича и «Николай Иванович [Радциг], преподававший историю средних веков» [4, с. 53] («Поиски себя»). Конечно, эти определенные люди не имели отношения к лирической ситуации стихотворения.

- В определенном умопомрачении находится герой «Был, как прежде, характером прыток...», который «накупил целый ворох открыток – / Посылать неизвестно кому» [5, с. 51], хотя в живых осталось лишь «тричетыре» [5, с. 51] товарища.

- «Стихи о Николае Иваныче», вошедшие в сборник 1987 года, характеризуются вхождением предметов разговора «Николая Иваныча» (наверное, третье по частотности сочетание имени и фамилии – после Ивана Ивановича и Петра Петровича) с адресатом коммуникативного акта («толковал о разном») в круг «интересов К. Ваншенкина», явным анахронизмом:

- «[толковал] чаще о войне» [5, с. 17];
- «красенького взял» [5, с. 17] (К. Ваншенкин говорил в интервью, что сам «чарочку выпить сможет»);

- упоминаемый как футболист Толя «Анатолий» Ильин завершил спортивную карьеру в 1962 году, за 25 лет «до описанных событий» (а К. Ваншенкин был завзятым болельщиком, написал книгу «Его опасные пасы», где первые 150 страниц исключительно о футболе с 3-я упоминаниями Ильина [3, с. 101, с. 103]). Конечно, временному несоответствию в стихотворении можно найти и другое объяснение, о котором позже, однако оно недостаточно для того, чтобы опровергнуть нашу гипотезу относительно «Стихов о Николае Иваныче»;

- «И неторопливо / А не впопыхах. / Рассуждал он также / О моих стихах» [5, с. 17] (как выразился Евгений Евтушенко, у К. Ваншенкина «были неторопливые стихи-посиделки» [8, с. 3]).

Таким образом, «Николай Иваныч» рекомендуется к рассмотрению в диапазоне от внутреннего голоса автора до обобщенного собирательного образа, идеями которых является скоропостижный уход друзей-ветеранов из жизни. Е. Евтушенко отмечал: «Телефонного одиночества у Ваншенкина нет. Но важно не только то, что звонят или не звонят, а кто звонит и кто уже больше никогда не позвонит» [8, с. 3].

Конструктивно-стилистической основой «Триптиха», отражающего эволюцию образа мальчишки – дитя войны, становится последовательность интертекстуальных отсылок: стилизация фетовской аккумуляции (часть «В войну» и, возможно, «Перед войной»), фрактата лермонтовского «Паруса» («После войны»). Если же мотив «солдатмальчишка одноногий... Плывет как парус одинокий» [5, с. 65]

вполне ясен: символ пессимистического одиночества в судьбе периода поствойны, то проблема парадоксального «фетовского оптимизма» «в самую войну» у К. Ваншенкина разрешается не эйфорией победы («Эти **давние** утраты, / Это **дальнее** “ура!..”» [5, с. 66]), как можно подумать.

Утраты названы «давними» – значит, победа наступила, однако «ура» (победный клич) «дальнее» также. Очевидно, вновь обращаемся к ретроспективной романтизации себя на войне, то есть, по сути, к романтизации войны как времени становления в юности, что подтверждает пассаж «Их **мальчишеские** лица, / Их **мужские** костяки!» [5, с. 66] (ср. с фразой «Мы еще долго будем вспоминать военные годы – вернее, мы их

никогда не забудем, потому что в эти годы мы из **юношей** стали **мужчинами**»

[2]).

Динамизм, асиндетон, свойствен первой «довоенной» и второй «военной» частям триптиха. Третья таковой прием не содержит, в ней показана размеренная («плышет»), в чем-то обывательская жизнь («уже идут занятия в школе» [5, с. 66]), хотя и с контрастирующей интеграцией в нее образа «мальчишкисолдата одноногого».

Ретроспективная романтизация – это личное отношение К. Ваншенкина к военному времени, то есть юности, его сугубое авторское видение;

образ одноногого мальчишки.

Рис. 1. Первая обложка книги

Послевоенное время – это последствие войны, которое принимается за неимением альтернативы (о задолго написанном до выхода настоящего сборника стихотворении «Я вздрогнул: одноногий паренек» А. Михайлов скажет: «Огромную роль играет нравственная атмосфера вокруг него [паренька – Д. С.]. Окружающие ... не видят в этом ничего ни смешного, ни героического. Нет ли в этом нравственном климате влияния последствий войны: ведь и после ее окончания сколько еще калек, изувеченных войною, было вокруг, и люди привыкли к этому» [13, с. 50]). В целом общепонятное, замечание критика наталкивает нас на мысль о том, что рецепцией, автоцитатой именно из своего творчества является третья, послевоенная, часть ваншенкинского «Триптиха». Здесь К. Ваншенкин как бы становится – сознательно или нет – равновеликим признанным мэтрам М. Лермонтову, А. Фету – но в лирическом изображении последствий войны. (Кстати, под А.

Фета поэт уже стилизовал произведения, например: «О том, как рыжики растут / На солнечных полянах, / Какой невиданный уют / Среди озер стеклянных» [6, с. 32] и под. – ср. «Я пришел к тебе с приветом...». У К. Ваншенкина есть даже стихотворение «Афанасий Фет...»).

Перспекция и ретроспекция войны, которым подчинено творчество К. Ваншенкина, парадоксально отвергаются им же в словах: «Как многократно эта была / Кругом пропета!..» [5, с. 44] («Как многократно эта была...»). В строках поэт критически относится к присвоению номинации «Победа» автомобилю, часам и «мощному» (наличествует одобрительный эпитет) теплоходу. Между тем якобы отвергаемые им взгляды, присущие остальному творчеству, касаются лишь официального, обыденного, искусственного и единичного, десемантизации великого, замещения обывательским. Еще же поэт, видим, благоговееет перед победой, но фактически обходит ее стороной. Так, А. Михайлов, исследователь поэзии Константина Яковлевича, утверждает: «Ваншенкин вообще подошел к ней [теме войны – Д. С.] с большой осторожностью» [13, с. 33], «в самом почти начале возникла “армейская” тема, она проходит через все творчество поэта» [13, с. 34].

Хотим заметить, что не следовало бы дифференцировать строго темы армейскую и военную, особенно в настоящей книге. Константин Яковлевич пишет преимущественно об армейском укладе, полковых товарищах и проч., но за всеми перечисленными предметами поэтического изображения стоит, конечно же, война. Говорится об армейском укладе периода войны, о военных товарищах. Однако боевые действия, как правило, не затрагиваются предметно (в одном из стихов: «Я рассказать решил потомству, / Солдатских бед не утаив ... Про время то, когда впервые / Ребята в армию пришли» [6, с. 46]: в **армию** пришли во время **войны**). Да и сам А. Михайлов замечает: «В ранних стихах поэта большое место занимает тема солдатской службы, в них то и дело **слышатся отзвуки минувшей войны**, вспоминается «ротушка-матушка», наряды, учения...» [12, с. 283].

Дочь народного писателя Беларуси Ивана Шамякина Татьяна переводила на русский язык романы своего отца. Причем «перевод авторизованный. То есть, его вычитывал и согласовывал сам автор» (<https://nina.nashaniva.com/?c=ar&i=215251&lang=ru>). Кажется, что и те гравюры, которые Галина Константиновна Ваншенкина подготовила для оформления поэтического сборника, являются его продолжением, маркером идейной сути.

На первой обложке (*рисунок 1*) – пожелтевший осенний лист, падающий в открытую ладонь, прочерченную тонкой, но выразительной коричневой линией. Ладонь ловит этот лист, второй опускается ниже, и его уже не поймать. Над зарисовкой, рукописным шрифтом, надпись – «Примета». Имя

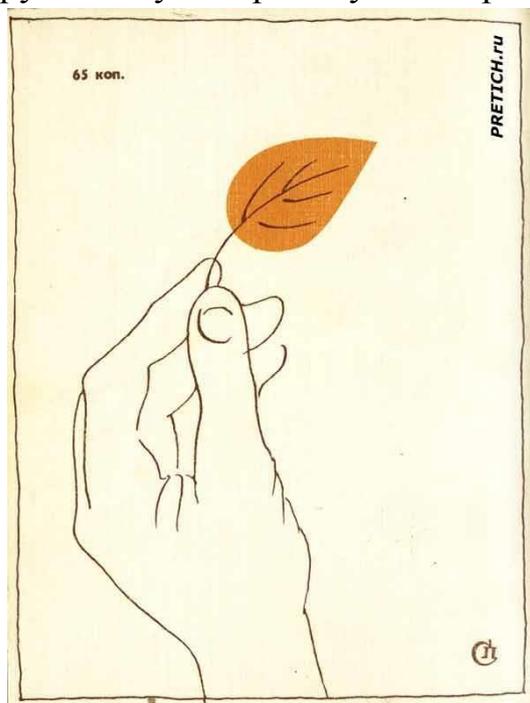
автора пропечатано типографским набором, с засечками. Цветовая гамма – в пастельных тонах.

На второй обложке (рисунок 2) – лист пойманный, красуется, бережно поддерживаемый за черенок.

Семантику оформления находим в следующем:

- стилизованная под **рукописный** шрифт, надпись «Примета» представляется отсылкой к **написанным** и помещенным в книгу произведениям (хотя многие книги К. Ваншенкина оформлены таким образом);

- нижняя ситуация падения листа так же хорошо описывается словом «примета»: настало время, когда листья начинают опадать, осень. И многие уже опали («Что остались **на примете**, / Из оставшихся в живых / Многих нет уже на свете» [5, с. 74], последний стих книги «Эти письма», стихотворение «От великой дали той...»). На поэтическом вечере, посвященном шестидесятилетию, поэт прочитал строки, созвучные, но более точно объясняющие суть: «Постепенно и **листва**, шурша, / С почерневших веток **облетела**. / Постепенно вечная душа / Оценила временное тело. // Постепенно ветру все трудней / Пробивать туманов оболочку. / Постепенно **яркий круг друзей** / **Сузился** и превратился в точку» (<https://www.youtube.com/watch?v=JCagFPa36RU>). И автор составляет свою рукописную «Примету» – сборник, который мы рассматриваем.

В аннотации сборника написано: «Новый сборник лирических стихотворений известного поэта состоит из двух книг под одной обложкой. Первая – “Эти письма” – составлена из стихов о ранней молодости, о войне, о дорогих друзьях и подругах. Вторая – “Встреча” – о женщине, о любви, о природе, о радостях и горестях жизни, ее многообразии» [5, с. 288]. Вряд ли сам Ваншенкин сочинял приводимый абзац. Но в аннотации абсолютно верно отмечено: «две книги под одной обложкой», разные книги. И аргументы тому: циклический характер первой книги (начали со слова «примета» в

первом стихотворении, закончили ею же

Рис. 2. Вторая обложка книги в последнем, причем в последнем тексте не второй книги, а первой); «стихотворения К. Ваншенкина с

тематикой памяти о войне в послевоенное время, объединены в первую книгу. И они, как мы убедились, более им ценимые, нежели произведения не-военной темы».

Вероятно, издавать малообъемные книжки невыгодно (книга «Эти письма» занимает всего лишь треть сборника), неэкономично, особенно в период перестройки. А следующая, «Встреча», близка первой хронологически, поэтому они объединились «под одной обложкой».

Профессор И. С. Скоропанова, строя концептуальную модель русской литературы конца XX – начала XXI века, справедливо отмечает: «Итожащий характер современной русской литературы выражается в появлении большого пласта произведений, в которых подводятся итоги советской, российской, мировой истории» [15, с. 12]. В числе причин создания авторами таких произведений названы: «провал Проекта Коммунизма, распад СССР, необходимость выбора дальнейшего пути, потребность осознать, в какой точке исторического развития находится человеческая цивилизация» [15, с. 12].

Для Константина Яковлевича Ваншенкина первые результаты гласности и перестройки стали видны, по его собственным наблюдениям, не позднее 1986 года: «Советская власть ко мне, как ни странно, была сдержанна в отличие от тех, кто был своим человеком “наверху”. Я никогда ни в какие группировки не входил. А подписал постановление Горбачев. Так что удостоен этого почетного звания [лауреата Государственной премии – Д. С.] был уже в начале перестройки» [11]. Дает ли текст книги «Эти письма» основание для утверждения о том, что при указанных подходящих условиях отразился в стихах прямой и честный характер К. Ваншенкина?

Российский писатель и критик П. Басинский, читая поэтический сборник «Волнистое стекло» К. Ваншенкина, изданный в 2000 году, делает важнейшее замечание: «Книга странно построена, не так, как это делается обычно в подобных случаях. “Избранное”, составляющее основной корпус издания, отнесено в конец, а в начале представлены “Новые стихи”, занимающие приблизительно 1/3 общего объема. Но читать надо начинать все-таки с “Избранного”» [1, с. 11].

Мы уже писали ранее о выявленной отдельности книг в составе сборника «Примета», указывая в том числе на объем первой представленной – треть.

В сборнике «Примета» субститутом «Избранного» стала книга «Эти письма». В журнале «Знамя» за май 1987 года печатались следующие стихотворения Константина Ваншенкина:

- «Когда сгорит за бруствером заря...» (1964) [9, с. 33];
- «Старшие командиры...» (1977) [9, с. 33];
- Салют [= «Москва готовилась к салюту...»] (1980) [9, с. 35];
- Боль [= «В страшные часы твои ночные...»] (1983) [9, с. 36].

Все перечисленные произведения разных лет не выходили в печать до публикации журнала «Знамя» (в мае) и книги «Эти письма» (подписана в печать в январе 1987 года). Именно поэтому она носит «итожащий характер». Книга «Встреча» – это аналогия «Новых стихов» в анализированном П. Басинским «Волнистом стекле».

Делаем вывод, что опубликовать «Старшие командиры...» (с порицанием героев войны – полковников и генералов) или «Салют» (якобы недостаточное внимание уделяется ветеранам) во времена их написания было затруднительно, да и нежелательно.

Поэтому они вошли в книгу, изданную в период перестройки. Таким образом, «итожащий характер» «Эти письма» имели в планах как личнописательском (лирическая исповедь писателя дополнилась произведениями на любимую тему, дотоле недопустимыми), так и концептуально-литературном (это дополнение сыграло имманентную, но необходимую роль в глобальном процессе «подведения исторических итогов», критическом осмыслении войны в русской литературе).

Библиографический список

1. Басинский, П. Старое вино: Константин Ваншенкин / П. Басинский // Лит. газ. – 2001. – 20 июня. – С. 11.
2. Ваншенкин, К. Я. Армейская юность / К. Я. Ваншенкин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://litvek.com/book-read/50514-kniga-konstantin-yakovlevichvanshenkin-armeyskaya-yunost-chitat-online?p=18>. – Дата доступа: 05.01.2022.
3. Ваншенкин, К. Я. Его опасные пасы: Проза. / К. Я. Ваншенкин – М.: Сов. писатель, 2006.
4. Ваншенкин, К. Я. Поиски себя: Воспоминания, заметки, записи / К. Я. Ваншенкин. – М.: Сов. писатель, 1985.
5. Ваншенкин, К. Я. Примета: Лирика в 2-х кн. / К. Я. Ваншенкин. – М.: Сов. писатель, 1987.
6. Ваншенкин, К. Я. Собрание сочинений: в 3-х т. / К. Я. Ваншенкин. – М.: Худож. лит., 1983-. Т. 1. Стихотворения, 1945-1967. – М.: Худож. лит., 1983.
7. Григорьев, Г. Небо на ремонте / Г. Григорьев [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=653634&p=3>. – Дата доступа: 09.02.2022.
8. Евтушенко, Е. Скромное бессмертие Константина Ваншенкина / Е. Евтушенко // Лит. газ. – 1995. – 22 марта. – С. 3.
9. Знамя. – 1987. – №5.
10. Красников, Г. Н. Баллада о последнем: [90 лет назад родился Константин Ваншенкин] / Г. Н. Красников // Лит. газ. – 2009. – 17–23 дек. – С. 5.
11. Луконин, С. Поэт Константин Ваншенкин: «Не меняются сами события, но жестоко меняемся мы» / С. Луконин [Электронный ресурс] // Бел. цифровая б-ка LIBRARY.BY. Режим доступа:

https://library.by/portalus/modules/various/readme.php?subaction=showfull&id=1308137167&archive=&start_from=&ucat=&. – Дата доступа: 31.12.2021.

12. Михайлов, А. А. Высокая служба стиха / А. А. Михайлов // Дружба народов. – 1964. – № 2. – С. 282–284.

13. Михайлов, А. А. Константин Ваншенкин: Очерк поэзии / А. А. Михайлов – М.: Художеств. лит., 1979.

14. Самойлов, Д. С. Перебирая наши даты / Д. С. Самойлов – М.: Вагриус, 2000.

15. Скоропанова, И. С. Концептуальная модель русской литературы конца XX – начала XXI вв. / И. С. Скоропанова // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв.: сб. науч. статей. В 2 ч. Ч. 1 / редкол.: С. Я. Гончарова-Грабовская (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2007. – С. 12–26.

16. Терентьев, Л. Константин Ваншенкин / Л. Терентьев [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://proza.ru/2010/05/02/1115>. – Дата доступа: 27.12.2021.

17. Урбан, А. А. В настоящем времени: Монография. / А. А. Урбан. – Л.: Сов. писатель, 1984.